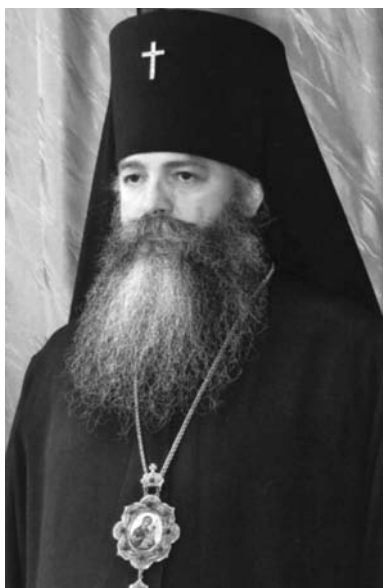

Пути ПОЗНАНИЯ

**Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(ГОРЯНОВ)**

**РЕЛИГИОЗНО-
ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ:
ИСТОРИЯ
И ОПРЕДЕЛЕНИЕ
ТЕРМИНА,
СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ¹**

¹ Данная статья представляет собой адаптированный фрагмент кандидатской диссертации игумена Константина (Горянова) на тему: «Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX–XX веков: В. С. Соловьев и В. И. Несмелов». Загорск, Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная академия, 1990.

Предлагаемая статья открывает цикл публикаций научно-богословских работ архиепископа Константина (Горянова) на темы религиозно-философской антропологии, развитие которой в России связано с именами выдающихся русских философов В. Несмелова и Вл. Соловьева.

Христианская антропология составляет третье звено в христианской онтологии после теологии (собственно учение о Боге) и космологии (учение о мире). Учение о Боге получило законченные формы в творениях Святых Отцов Церкви и оросах Вселенских Соборов. Космология, а также антропология такой законченной формы не имеют и существуют только во фрагментах Священного Писания и в аскетической литерату-

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

ре. Главной задачей святоотеческого богословия была разработка основных догматов, — темы же антропологии Святые Отцы касались все же лишь попутно. Владимир Лосский (1903—1958), выдающийся русский богослов, профессор Православного Свято-Сергиевского богословского института в Париже, признает, что нам сейчас трудно адекватно найти у Отцов первых веков учение о человеческой личности по субъективным и объективным причинам: «Во избежание подобной бессознательной сбивчивости, а также злоупотребления сознательными анахронизмами, вкладывая что-то от Бергсона в св. Григория Нисского или что-то от Гегеля в св. Максима Исповедника, мы пока что воздержимся от всякой попытки найти в святоотеческих текстах развернутое учение (или учения) о личности человека... Я же лично должен признаться в том, что до сих пор не встречал в святоотеческом богословии того, что можно было бы назвать разработанным учением о личности человеческой, тогда как учение о Лицах или Ипостасях Божественных изложено чрезвычайно четко»¹.

Церковь в эпоху расцвета богословского творчества не создала законченного учения о человеке, как не создала она и законченной системы космологии, и это обстоятельство иногда способствовало церковным нестроениям. «У каппадокийцев можно найти только отдельные мысли о человеке, содержащиеся в разных произведениях»². Помощь этих замечательных богословов для антропологии заключалась в уточнении терминологии.

В силу исторических судеб христианства, которому постоянно приходилось бороться с ересями, богословие нередко было вынуждено обращаться к антропологии для разъяснения тех или иных назревших в нем догматических вопросов. Так, например, появление ересей о Лице Иисуса Христа заставило христианскую догматику опереться на принципы античной антропологии. Для того чтобы определить — какова была человеческая природа Лица Христа, следовало прежде изучить природу самого человека. И богословская мысль работает здесь в обоих направлениях. Если изучение библейского учения о человеке дает нам понимание человеческой природы Иисуса, то изучение человеческой природы Иисуса дает нам более полное понимание того, чем на самом деле предназначено было быть человеку³.

Следует также отметить, что именно в христианскую антропологию идеи классической философии всегда проникали наиболее свободно. Это имело и отрицательные последствия. Церковная мысль подвергалась в данной области влиянию многочисленных философских направлений, и в недрах церковного сознания возникли очень серьезные и глубокие разногласия, которые касались именно тем о человеке.

Конец XIX — начало XX в. в истории русской философии занимает особое место. Это период важных перемен в социально-историческом и культурном развитии страны. На это время приходится расцвет религиозно-философской мысли, отмеченной именами и творчеством таких видных русских философов, как В. Соловьев, С. Трубецкой, Е. Трубецкой,

¹ Лосский В. Н. По образу и подобию. Изд. Св.-Владимирского братства, М., 1995. С. 106.

² Медведев Н. Д. Антропологический этюд // Богословские труды, 1976. Сб. 16. С. 189.

³ См. напр. *Епископ Гурий*. Богозданный человек. Опыт православной теодицеи. Богословские труды. Сб. 12.

Л. Лопатин, А. Козлов, Н. Грот, А. Введенский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Лосский, В. Несмелов, С. Франк и других, выступавших за соединение философии и религии в «новом синтезе». Созданная ими религиозная философия сравнивается по своему величию, значению и самобытности с таким мировым феноменом, как русская литература XIX в. Для этих философов характерны разнообразные попытки постановки и решения проблемы человека. По существу никто из вышеперечисленных философов не остался в стороне от антропологической проблематики.

Однако в русской религиозной литературе нет специальных исследований, посвященных религиозной антропологии этого периода. Известно, что протопресвитер Василий Зеньковский в последние годы своей жизни работал над философской трилогией «Основы христианской философии». Успели выйти два тома: «Христианское учение о познании» и «Христианское учение о мире». Завершению третьего тома, посвященного вопросам христианской антропологии, помешала смерть о. Василия¹.

В советской литературе на вопросах религиозной антропологии специализировался сотрудник кафедры научного атеизма МГУ К. И. Никонов. В изданной им книге под православную антропологию отведены страницы 84–88, из них на творчество В. И. Несмелова приходится только полстраницы². В отечественной богословской науке антропология Несмелова, если не считать одной дореволюционной работы Н. Бердяева, остается практически неизученной, и в библиотеках Московской и Санкт-Петербургской Духовных академий, а также в фондах Казанской Духовной академии ЦГИА ТАССР нет ни одной диссертационной работы, посвященной «Науке о человеке» Несмелова. О его жизни имеются крайне скудные сведения, и даже год смерти в пятитомной Философской энциклопедии указан ошибочно — 1920 г. вместо 1937 г.

Виктору Ивановичу Несмелову, заслуженному профессору Казанской Духовной академии, принадлежит первая и пока единственная попытка создать систему православной антропологии. С целью восполнить, по мере возможности, этот пробел мы и предприняли настоящее исследование. Работа, на наш взгляд, приобретает актуальность особенно сейчас, в период возвращения русской культуре незаслуженно забытых имен.

Что касается Владимира Сергеевича Соловьева, то это самый значительный русский философ, впервые создавший свою оригинальную систему. Его главная идея — Богочеловечество. Влияние Соловьева в той или иной степени испытала вся последующая русская идеалистическая философия.

Интересно было сравнить два диаметрально противоположных методических подхода к проблеме человека: соловьевскую дедукцию и несмеловскую индукцию. Соловьев, исходя из идеи всеединства, начинал свою систему от всенаполняющего Божества, через первичный хаос (апейрон), все возрастающие уровни организации души мира (царства минералов, растений, животных), которая наконец на уровне человека соединилась с Логосом.

¹ Григорьев Д., свящ. О. Василий Зеньковский // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. статей под ред. Н. П. Полторацкого. — Питтсбург, 1975. С. 238.

² Никонов К. И. Современная христианская антропология (опыт философского критического анализа). М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 187.

Несмелов же, используя тезис Фейербаха, что последняя тайна теологии есть антропология, начал построение своей системы с гносеологических анализов, потом выявил коренное противоречие в природе человека (в личности отображается образ безусловного бытия, и вместе с тем личность поставлена в условия ограниченного бытия), затем решил эту «загадку о человеке» (человек есть вещь физического мира, несущая в себе образ Бога), доказал необходимость искупления, которое освобождает человека от власти материального мира и, таким образом, человечество получает возможность попасть в царство свободы, которое есть Царство Божие, к Богу.

В. С. Соловьев и В. И. Несмелов в своих антропологических построениях широко использовали наследие классической античной антропологии. В настоящее время в христианской антропологии также используется сократо-платоновский научно-философский язык, «единственный в мире по богатству, красоте и выразительности, доведенный Аристотелем до предельной точности и совершенства»¹.

Антропология, в широком смысле слова, — это учение о природе (сущности) человека. В разные времена, однако, определения то расширялись, то суживались, и термину «антропология» придавалось и придается различное значение в зависимости от того, смотрят ли на антропологию как науку о человеке только с анатомо-физиологической точки зрения, или в нее включают в большей или меньшей степени и духовную деятельность человека. В СССР антропология (официально) определялась как «наука о происхождении и эволюции человека, образовании человеческих рас и о нормальных вариациях физического строения человека... Антропология, в принятом в советской науке понимании, содержит следующие основные разделы: морфологию человека, учение об антропогенезе и расоведение»². За рубежом, особенно в Великобритании и США, в антропологию включают также археологию и этнографию³.

Поскольку же человеческая природа представляет для изучения две области: телесную и духовную, то труды антропологов имеют анатомо-физиологическую или психическую направленность. Поэтому термин «антропология» сам по себе не определяет с надлежащей точностью содержание сочинения, им озаглавленного. Прогрессирующая дифференциация знаний уводила науки о человеке друг от друга, накапливая взаимонепонимание. В наибольшей степени пропасть пролегла между учением о телесности и духовности. Здесь закрепился дуализм.

В греческом философском словаре дается следующее определение: «Антропология есть наука практическая, касающаяся всего того, что говорится о телесной природе человека»⁴. Хотя сам Аристотель, которому принадлежит первое систематическое изложение познаний о человеке, отдает явное предпочтение психологии перед биологией, утверждая, что «занимающемуся теоретическим рассмотрением природы следует говорить о душе больше,

¹ Позов А. Основы древне-церковной антропологии. Сын человеческий. Мадрид, 1965. Т. 1. С. 12.

² Антропология // БСЭ. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 2. С. 107.

³ Munro E. Anthropology. Encyclopaedia of Religion and Ethics. Ed. by Hastings J. Edinburg, N.Y., In 12v, 1908–1921. V. 1. P. 561.

⁴ Ἀνθρωπολογία // Λεξικὸν τῆς φιλοσοφίας. Ἀθῆναι, 1929.

чем о материи, поскольку материя скорее является природой через душу, чем наоборот»¹.

Кстати, в научной литературе изобретение термина «антропология» (от греч. ἄνθρωπος — человек и λόγος — учение) как науки о человеке чаще всего неверно приписывается Аристотелю. Так, в «Философской энциклопедии» написано: «Значит, развития А. достигла в Древней Греции и Риме. Термин А. принадлежит Аристотелю»². Авторы университетского учебника уточняют, что Аристотель «употребил это слово преимущественно при изучении духовной природы человека»³.

Однако термина «ἄνθρωπολογία» древние греки вообще не употребляли, и он отсутствует в самом полном в мире греческом словаре Н. G. Liddel and R. Scott «A Greek-English Lexicon». Oxford, 1977. Но в этом же лексиконе на с. 141 есть похожее слово «ανθρωπόλογος», которое действительно первый и единожды употребил Аристотель в своей Никомаховой этике (НΘΙΚΩΝ ΝΙΚΟΜΑΧΕΙΩΝ, 1125a5). В этом тексте на древнегреческом языке «ἄνθρωπόλογος» выступает не как существительное женского рода, а как прилагательное двух окончаний и на русский язык переводится деепричастием «говорящий о человеке»⁴. Более полное и правильное представление о значении слова «ἄνθρωπόλογος» выясняется из контекста Никомаховой этики, где Аристотель перечисляет качества характера и правила поведения «величавого человека». В переводе Н. В. Брагинской это выглядит так: «Он (то есть «величавый человек». — автор *иг. Константин*) не *обсуждает людей* “ἄνθρωπόλογος”, ибо не станет говорить ни о себе, ни о другом, право же, ему нет дел ни до похвал себе, ни до осуждения других, и в свою очередь он скуп на похвалы»⁵.

Возможно, что определение, приведенное Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным, заимствовано из статьи антрополога Л. Крживицкого, где написано, что «Термин А. появляется уже в глубокой древности. Аристотель называет антропологами тех, которые изучали человека с нравственной стороны»⁶.

Следует отметить, что сама антропологическая устремленность (в смысле современной антропологии) продолжительное время не находила для себя адекватной формулировки, и, главным образом, внутри западной философии вплоть до начала Нового времени проявляла себя в постановке вопросов метафизической психологии. Главными темами, которые разрабатывали христианские мыслители, были:

- своеобразии человеческой души, в отличие от растительной и животной;
- состав души (она единственна и однородна или в ней есть высшее и низшее начало);
- дискутировались вопросы материальности души, ее телесности и духовности;

¹ Аристотель. О частях животных, 641 а. М., 1937. С. 39.

² Антропология // Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1. С. 78.

³ Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высш. шк., 1963. С. 4

⁴ Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий; под ред. С. И. Соболевского М., 1958. Т. 1. С. 151.

⁵ Аристотель. Никомахова этика, П25а5 // Сочинения: в 4-х т. М., 1984. Т. 4. С. 134.

⁶ Крживицкий Л. Антропология // Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е изд. М., б.г. Т. 3. С. 230.

— обсуждались вопросы происхождения души, ее самостоятельности и бессмертия;

— особенно много писали об «отношении» души к телу и главному органе души.

Идея восприятия человеком себя как цельной личности была выдвинута Тертуллианом, но непосредственным образом эту проблему стал разрабатывать блаженный Августин.

Сам термин «антропология» появляется лишь в XVI в. в Германии: Magnus Hundt. «Anthropologium de hominis dignitate, natura et proprietatibus, de elementis, partibus et membris humani corporis». Leipzig, 1501. Это сочинение чисто анатомическое: «Антропология о достоинстве, природе и свойствах человека и об элементах, частях и членах тела человека». В конце того же столетия вышел трактат Otto Casmann: «Psychologia Anthropologica, sive Animae humanae doctrina. Anthropologiae p. II, de fabrica humani corporis methodice descripta». Naunau, 1594, F 1604 (Антропологическая психология, или учение о человеческой душе, Антропология, ч. II, о строении человеческого тела в методическом описании).

Таким образом, в западноевропейской литературе довольно рано укоренилось двойное понимание термина «антропология», а именно, как науки о человеческом теле, с одной стороны, и о человеческой душе, с другой. «В последующий период так именуется исследование по эмпирической психологии, связанные в основном с морально-философскими вопросами»¹. Термин «психология» принадлежит также Касманну.

Религиозно-философская мысль и раньше уделяла много внимания проблеме человека. Но в настоящее время вопрос о человеке, его сущности, природе, смысле жизни и взаимосвязи с Богом стал тем теоретическим стержнем, вокруг которого вращается вся религиозная проблематика. Конвергенция богословия и философской антропологии разворачивается не однолинейно, а в многообразных взаимодействиях и формах. В начале XX в. возникла религиозно-философская антропология (значительно реже встречается выражение «религиозно-антропологическая философия»). Она имеет апологетическую направленность. Дело в том, что именно религиозные представления о человеке подвергались с середины XIX в. наибольшему нападкам. «Апологетика же должна не только обосновывать истину, но и опровергать стоящую на очереди дня ложь»².

Все варианты религиозно-философской антропологии имеют жизнесмысловое ядро религиозной веры. Однако удельный вес религиозных и философских компонентов, а также способы их структурного объединения различны. В связи с этим термины «религиозная антропология», «религиозно-философская антропология» и «богословская антропология» употребляются неоднозначно, хотя еще и встречаются в богословской и критической литературе дискуссии о границах термина. Два последних термина близки по содержанию и функциям, а иногда их даже отождествляют. Различия между богословской и религиозно-философской антропологиями носят, в основном, методологический характер.

¹ Halder A. Anthropologie, Philosophische // Lexikon für Theologie und Kirche, Freiburg, 1957, Bd. I. S. 615.

² Глаголев С. С. Апологетика // Православная богословская энциклопедия: в 10-ти т. П. г., 1900. Т. 1. С. 942.

Однако следует оговориться, что высказывания о человеке имплицитно содержатся в Ветхом и Новом Завете, догматическом богословии, писаниях Святых Отцов Церкви и различных других религиозных учениях, не посвященных специально проблеме человека. Но это не богословская антропология, как она сейчас понимается. Ибо, во-первых, отсутствует обдуманная систематика данных на основе единого рефлексивно данного подхода, и, во-вторых, категории, связанные с такими непосредственными высказываниями о человеке, — это, в значительной мере, категории предметного мира. Поэтому остается опасность не распознать богословское своеобразие человека и рассматривать его лишь как часть мира, имеющую чисто предметную объективность.

Эксплицитная религиозная антропология по форме может быть выражена в виде широкого религиозно-философского учения о человеке и богословской антропологии. Последняя исходит из догматического богословия: «Это раздел догматики, в котором развивается христианское учение о человеке, то есть учение о сотворении человека и составе человеческой природы, о началах и особенностях человеческой души, о первоначальном состоянии первозданных людей, самовластии человека, о падении, о праотеческом грехе и его последствиях, о грехе вообще, о спасении и обожении человека во Христе. Главным источником догматической антропологии является Священное Писание»¹. Такая антропология непосредственно связана с церковным учением, конфессиональна, несет на себе отпечаток так называемого «академического богословия» или по другой, западной, формулировке «богословия учебников».

Только в XIX в. словосочетание богословская или сверхприродная антропология начинает обозначать систематическое собрание богословских утверждений о человеке. Однако, по утверждению авторов современного труда по католической «Богословской антропологии» А. Скола, Д. Маренго, Х. П. Лопес: «...создание трактатов по богословской антропологии вовсе не было связано с интересом к антропологии: он придет лишь в последние десятилетия двадцатого века»².

Однако «богословие учебников» (у нас — школьное богословие) имело существенный недостаток, а именно, антропологическая мысль, став фрагментарной и раздробленной, оказалась беззащитной перед лицом распространенного предрассудка считать веру чуждой разуму, который, якобы способен самостоятельно выразить всю полноту истины о человеке³.

«Различие богословской и философской антропологии заключается в том, — пишет протестантский теолог Р. Прентер, — что первая рассматривает человека в свете Божественного Откровения во Христе Иисусе, в то время как философская антропология основывается на эмпирическом самопознании человека. Богословская антропология не может ни критически воспринимать философскую антропологию, ни отбрасывать ее как заблуждение. Даже когда человек рассматривается в свете Откровения, эмпиричес-

¹ Δημητροπούλοσ Παυ. Χ. Ἀνθρωπολογία Δογματική // Θερησκευτική και ἠθική γρηγολαίδεία. Ἀθῆναι, 1963. Τ. 2. Σ. 815.

² Скола А., Маренго Д., Лопес Х. П. Богословская антропология: пер. с итал. «Христианская Россия». М., 2005. С. 17.

³ Там же. С. 21.

кое самопознание доставляет свою ограниченную пользу»¹. Это является общепринятым мнением не только протестантских, но и православных, а также католических богословов. Соответствующие настроения и в критической литературе. Так, Ю. Кимелев подчеркивает, что философско-религиозная концепция имеет целью и должна представить философские указания на существование Бога. «Если антропологическая теория принимает существование Бога за не требующую подтверждения данность и в своих построениях исходит из нее, то такую теорию следует считать определенным вариантом теологической, но не философско-религиозной антропологии»².

Оформление богословской антропологии в самостоятельную дисциплину еще находится в процессе становления, и ее функции, границы и специфика дискутируются. Что касается специфики, то положение антропологии необычное. Здесь мы сталкиваемся с тем случаем, когда исследователь богословского вопроса является одновременно и его объектом. Следовательно, богослов здесь становится объектом исследования, но уже не как богослов, а как человек. Антропология определяет, как мы понимаем самих себя и, следовательно, как мы выстраиваем богословскую систему. И наоборот, что такое богословие, как результат деятельности человека.

Учение о человеке имеет особенно большое значение в наши дни вследствие того огромного внимания, которое уделяется человеку различными научными дисциплинами: «антропологический взрыв» на рубеже XX–XXI вв. Как верно подметил академик РАО А. А. Корольков: «если ранее ожесточенно спорили о допустимости самого слова “антропология”, приобретшего отрицательную репутацию в связи с политическими спекуляциями вождей Третьего рейха, если недавно философскую антропологию оценивали как очень узкое направление в философии, определившееся работой М. Шеллера “Положение человека в Космосе” (1928), то к 2005 г. в России уже появилось множество трудов с подобными названиями: “Философская антропология”, “Культурная антропология”, “Социальная антропология”, “Педагогическая антропология”, “Психологическая антропология”, “Интегративная антропология”. Означает ли появление этих книг некий прорыв к новому знанию о человеке — это особый вопрос, пока можно с уверенностью засвидетельствовать факт распространяющегося интереса к антропологии у авторов сочинений, и у читателей, тревогу вызывает как раз избыточность антропологической литературы»³.

Развитие богословской антропологии требует рассмотрения не только ее содержания, но, прежде всего, ее методологии. В этом состоит общая насущная потребность всего богословского знания, а для богословской антропологии эта задача представляется наиболее актуальной.

Тем не менее антропологическое обоснование религии, выражающее в виде феноменов религиозного опыта глубинные и жизненно важные запросы человечества, открывает для апологии христианства немало новых возможностей. Наши оппоненты также признают, что «из всех теологических

¹ Prenter R. *Antropologie. N. Dogmatisch // Die Religion in Geshichte und Gerentwart.* Tubingen, 1957. Bd. I. P. 420.

² Кимелев Ю. А. Современная буржуазная философско-религиозная антропология. М.: Наука, 1985. С. 15.

³ Философская и педагогическая антропология: Сб. научных трудов / под ред. А. А. Королькова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. С. 5–6.

концепций и дисциплин богословская антропология в наибольшей мере обладает возможностями соединять различные формы общественного сознания, координировать религиозную философию, психологию, социологию и педагогику»¹.

Можно сказать, что именно этот вариант апологетики имеет наиболее долгосрочную перспективу. Для такой уверенности есть следующие основания. Изучение человека делает более полным наше понимание Откровения Пресвятой Троицы в мире, ибо изучая творение, мы изучаем и Творца. Причем изучение человека может дать нам больше знаний о Боге, чем любое другое Его создание, потому что лишь человек был сотворен Богом по Его образу и подобию (Быт. 1:26–27).

Евангелие открывает нам, что Второе Лицо Святой Троицы вочеловечилось: «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1:14). Именно эту плоть Нового Адама апостолы слышали и видели своими очами, рассматривали и осязали, «чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение — с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом» (1 Ин. 1:1–3). Этот факт означает, что для понимания природы Христа необходимо понять человеческую природу. Вся судьба человека-христианина вписана в судьбу ветхого Адама и Христа Нового Человека. Следовательно, нам надо четко различать сущностного человека, то есть такого, которого создал Бог, от экзистенциального, которого мы видим в реальном существовании. И богословская антропология работает здесь тоже в обоих направлениях. Если библейское учение о человеке дает нам понимание человеческой природы Иисуса, то изучение человеческой природы Иисуса дает нам более полное понимание того, чем на самом деле предназначено быть человеку.

¹ Никонов К. И. Критика антропологического обоснования религии. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 186.

ПАМЯТОСЛОВ

Валерий ГАНИЧЕВ

ЛОМОНОСОВ ИДЕТ!

*Из архангельских
заметок*

*К 300-летию со дня
рождения Михаила
Васильевича Ломоносова
(1711–1765)*

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

Есть в России немало заповедных земель и мест, сохранивших русскость, ее потаенный смысл, тайну и слово. Архангельский Север — это русское Лукоморье. Невиданной созидательной упругости пружина толкала отсюда «встречь солнцу» умелых, опытных, закаленных, храбрых христиан-поморов по дуге Севера к Ямалу, Таймыру, Якутии, Чукотке, Аляске, Сан-Франциско. Они шли, неся с собой соединяющую и возвышающую русскую речь, умение налаживать отношения с коренными жителями, умение строить, земледельствовать и управлять крепким морским судном. Их путь отмечен крестами и часовнями. Вера Православная возвышала их, а память о Родине укрепляла.

Из Архангельска езда на машине летом недолгая. А каково зимой, в мороз, по скрипучему снегу в наступающих сумерках, когда убыстряется шаг лошадей и трусящих рядом для разогрева ездоков. Оглядываясь «на небо, ельник и песок», стараясь представить начало звездного пути упорного, уверенного в себе, получившего знак свыше холмогорского парня. То, что он был таким уверенным, упорным, решительным, боговдохновенным, нисколько не сомневаюсь.

В музее Ломоносова на Кий-острове копия картины художника Н. Кислякова «Юноша Ломоносов на пути в Москву». Розовощекий парень идет «солнцу и ветру навстречу на битву и радостный труд». Энергично, широко шагает юноша к цели, академическому будущему, как во время написания картины устремлялись вперед комсомольщичелинники, рабфаковцы, будущие космонавты. Как вихрь ворвался в царство иноземных властителей науки и слова поморский парень, голова которого была способна многое по-

нять, проанализировать, выстроить — и все во славу Отечества и народа российского.

То, что Холмогоры как оплот Православия в XVIII веке не были захолустьем, говорит утвердившаяся тут северная Холмогорская епархия. Да еще с таким епархиальным Владыкой, как сподвижник Петра I епископ Афанасий Холмогорский.

На Руси всегда понимали необходимость духовного наполнения северных земель, укрепляющих верой и силой. Отсюда Петр искал выхода к морям, к Европе, поэтому хотел опереться на эти земли. И в архипастыре Афанасии он получил вдохновенного, страстного помощника. Во время Северной войны Афанасий проявил себя и как дипломат, и как государственный муж, и как вдохновитель воинов. Он благословил и оказал материальную поддержку строительству крепости в устье Двины, изучил все северное побережье Швеции, Норвегии и дал стратегические советы Русскому флоту на этом направлении.

Продолжал духовно-просветительскую деятельность Афанасия архиепископ Варнава. Именно при нем были открыты школы в Николаевском карельском монастыре (1714) и в Холмогорах (1723). Краеведы высказывают предположение, что Ломоносов занимался в этой архиерейской школе.

В Москву Михаил уходил с возделанного поля грамотности, знания духовного.

* * *

1730 год. Поморский парень из Холмогор Михайло Ломоносов идет в Москву. ...Первая треть века XVIII-го. Петр I умер. Его державное наследие разбазаривают, грабят, приватизируют. На смену «птенцам гнезда Петрова» пришли курляндские, голштинские, брауншвейгские, почти гарвардские, советники и фавориты. Для них Империя — это способ нажиться, обогатиться, насытить свои «домашние» владения. Русские подданные Империи — что дворяне, что крестьяне — быдло и чернь, призванная прислуживать, работать и обогащать приближенных к трону.

Долго так продолжаться не могло. Общественное мнение, которое носило имя «молва», все больше и больше осуждало иноземную верхушку власти, ее грабеж и презрение ко всему русскому. И Россия ответила явлением Ломоносова!

Академики в то время с кафедры вещали по-латыни, в быту говорили по-немецки. Ломоносов знал и тот и другой, однако он хотел, чтобы академия заговорила по-русски. Он стал создавать русские учебники. Не академическое вроде бы это дело — писать учебники, «книжицы» — считали академики (да и сейчас считают). Но Ломоносов знал, что важнейший вид деятельности ученого для распространения в России «высоких наук» — «чтобы в сынах российских к оным охота и ревность равномерно умножалась».

Ломоносов вводил русскую научную терминологию. Сам Сенат принял решение о печатании его перевода «Экспериментальной физики», Ломоносову было поручено прочесть цикл лекций с использованием необходимых физических приборов.

Это было торжественное и важное событие для русской науки. 20 июня 1746 года русская речь утверждалась на научной кафедре. И это почув-

*Юный Ломоносов на пути
в Москву. Н. И. Кисляков*

ходящих» (26 ноября 1753 года), «Слово похвальное Петру Великому» (26 апреля 1755 года), «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее» (1 июля 1756 года), «Слово о рождении металлов от трясения земли» (6 сентября 1757 года), «Рассуждение о большой точности морского пути» (8 мая 1759 года), «Рассуждения о твердости и жидкости тела» (6 сентября 1760 года).

Это были развернутые научные и публицистические размышления об открытиях в науке, о природе общественных явлений, об исторических и нравственных ценностях.

Это был возвышенный пример служения своему долгу.

Это был факел, освещающий прошлое и будущее.

А в промежутках между этими, скажем, публичными, общественными отчетами и манифестами от науки — кропотливая исследовательская, практическая работа на всех фронтах: в лабораториях, в кабинетах, на стекольной фабрике, в академической гимназии и университете, в типографиях и академической канцелярии, Академии художеств, дома...

И печатные труды, труды, труды. Книги, статьи, сочинения.

13 января 1757 года в академической типографии отпечатана «Российская грамматика», а в феврале в типографии Московского университета начато

ствовало общество. На лекции Ломоносова присутствовало «сверх многочисленного собрания воинских и гражданских разных чинов слушателей и сам господин президент Академии с некоторыми придворными кавалерами и другими знатными персонами»¹. Ломоносов шел и шел дальше и вел за собой российскую науку, русских людей — отечестволюбцев. Эти 40–60-е годы XVIII века были самыми плодотворными в его научных, литературных, педагогических, гражданских делах. В эти годы он закончил строительство первой в России научно-исследовательской и учебной химической лаборатории, написал диссертацию «О рождении и природе селитры».

Событиями становились сказанные в Публичном собрании Академии наук «Слово о пользе химии» (6 сентября 1751 года), «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы проис-

¹ *Меньшутин Б. Н.* Михаил Васильевич Ломоносов. СПб., 1911.

печатание первого тома собрания сочинений самого Ломоносова. В 1761 году он пишет письма И. И. Шувалову «О сохранении и размножении российского народа». В сентябре 1763 года заканчивает «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание взаимного перехода сибирским окном в восточную Индию». В этом же году в типографии Академии наук завершено печатание книг «Первые основания металлургии, или рудных дел» и «Известия о российской минералогии».

И главное во всем этом — страстное желание служить России, возвышать ее, поднимать ее потенциал, дух русских людей, бороться за их просвещение, продвижение молодых. Он был неутомим в этом борении за Россию, не останавливался ни перед какими авторитетами. Спорил, ругался с ними, порой был несдержан, учинял «предерзости», за что даже подвергался домашнему аресту (1743). Не чванился и, извинившись в Академическом собрании «по предписанной формуле», продолжал быть столь же настойчивым и неуступчивым в служении Отечеству. Дело, конечно, не в том, что он спорил и ругался с иностранцами и отечественными чужеземцами, а в том, что добивался в науке и всех остальных делах лучших, высочайших результатов, которые и были главным аргументом в этих спорах. Ломоносов, борясь с недобросовестными «немцами» всех мастей, отнюдь не был ксенофобом, ненавистником всех иностранцев, хоть такое мнение и высказывалось. И ныне, когда кто-то заявляет о своей приверженности России, о любви к национальной культуре, тут же звучат обвинения: шовинист, ксенофоб, маргинал, а то и «фашист».

Ломоносов подобных обвинений не боялся. Был он, как и всякий подлинно русский человек, по Достоевскому — «всечеловек». А разговоры о его ненависти к иностранцам глупы и беспочвенны, ибо женат он был на немке, его племянник учился у академиков В. Крафта и Л. Эйлера, со многими немцами Ломоносов дружил. А с Миллером и другими учеными-академиками спорил не потому, что они были немцы, а потому, что решительно протестовал против норманской теории, по которой русы не способны были к самоорганизации, созданию собственного государства. Везде и во всем он старался быть доказательным, хотя порой страсть перехлестывала границы. И от этой твердости, доказательности уважение к нему в академии, в обществе, Державе возрастало. И после тщетных попыток убрать, сместить его, принизить роль и положение в академии пред ним склонились и поручали одно за другим важнейшие дела и возводили на новые научные ступени.

Михаил Васильевич Ломоносов

В 1758 году М. В. Ломоносова назначают руководителем Географического департамента и Исторического собрания, в 1760 году — руководителем Академического университета и гимназии, в 1764 году он избран почетным членом Российской академии трех знатнейших художеств, а в декабре произведен в статские советники, что давало право на дворянство. Так через тридцать лет крестьянский сын стал дворянином. Его избирают почетным членом Королевской шведской академии, почетным членом Академии наук Болонского института.

Ломоносов ушел из жизни в 54 года. Многие проекты его были не осуществлены, многие замыслы не свершились, но он проделал гигантскую работу, изменив представление русских людей о своем месте в делах Державы и общества.

В свое время была одержана блестящая ратная победа на Куликовом поле Дмитрием Донским, но еще более велика была тогда победа над ужасом перед врагом, сковавшим русских людей. «И хлеб не шел в рот от страха», — писал тогда летописец. Сергей Радонежский и Дмитрий Донской разрушили этот страх. Поэтому столь велик и своевременен их подвиг. Велик подвиг и Михаила Ломоносова, который, проявив гениальное рвение в науке, снял оцепенение перед иноземщиной и своей судьбой доказал, «Что может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать».

Сейчас, когда ситуация в России напоминает ту, с которой когда-то столкнулся пришедший из Холмогор юноша, мы чувствуем, что Ломоносов нужен нам, что он снова должен прийти в Россию.

